

Г.Н. Воронцова (Москва, Россия)

**Перхин В.В. А.Н. Толстой и власть.
СПб.: Алетейя, 2017. 240 с.**

G.N. Vorontsova (Moscow, Russia)

**Perkhin V.V. A.N. Tolstoy and Power.
St.-Petersburg. Aleteya Publ. 2017. 240 p.**

Тема «писатель и власть» со всей очевидностью вошла в актуальное исследовательское поле отечественного литературоведения в начале 1990-х гг. В известной степени это было связано с открытием архивов, ранее недоступных российским филологам и историкам. Попытки освоения нового документального материала эволюционировали от публикаций с явным намеренным оттенком сенсационности к серьезному, взвешенному разговору о «бытии» русской литературы, прочно вписанной на протяжении нескольких советских десятилетий в государственную структуру.

Таким серьезным, взвешенным разговором представляется нам монография Владимира Васильевича Перхина «А.Н. Толстой и власть», вышедшая в 2017 г. в издательстве «Алетейя» (Санкт-Петербург) и ставшая итогом многолетних размышлений исследователя над ее основной темой и связанными с ней проблемами¹.

Алексей Толстой принадлежит к тем русским писателям XX в., для которых вопрос сотрудничества с властью выглядит особенно актуальным. Эмигрант, вернувшийся на родину в 1923 г., он сразу был отнесен к «попутчикам революции». Писателю пришлось пройти сложный путь адаптации к новой для него советской реальности, который предполагал, как оказалось, не только помощь «последнему фазису русской революции пойти в сторону извлечения из революции всего доброго и справедливого и утверждения этого добра», но и определенные компромиссы.

В основу монографии положены материалы периодической печати, архивные документы, сохранившиеся в составе личных фондов А.Н. Толстого, И.В. Сталина, В.М. Молотова, Н.И. Ежова, П.Н. Поспелова (Российский государственный архив социально-политической истории и Отдел рукописей Института мировой

¹ Здесь было бы уместно вспомнить такие работы В.В. Перхина прошлых лет, как: Веховская традиция в публицистике 1910–1940-х годов (по материалам наследия Е.И. Замятина, А.Н. Толстого и Л.П. Гроссмана) // Русская публицистика в духовно-нравственной жизни общества: Сб. статей / Под ред. Л.П. Громовой. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2014. С. 120–144; А.Н. Толстой и редакторы газеты «Правда» (по архивным материалам) // Алексей Толстой: Диалоги со временем / Отв. ред. Т.И. Радомская. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 130–144; О государственной службе А.Н. Толстого (катынский эпизод) // Там же. С. 154–167.

литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук), М.Б. Храпченко (Российский государственный архив литературы и искусства), материалы Государственного архива Российской Федерации.

В своих рассуждениях автор опирается на работы предшественников: исследования о жизни и творчестве Толстого Ю.Н. Крестинского, А.М. Крюковой, П.А. Бороздиной, Е.Ю. Литвин, Е.Д. Толстой и других; эпистолярное наследие современников писателя, труды русских философов и публицистов предреволюционного и пореволюционного времени.

Как пишет исследователь: «Цель данной книги заключается в том, чтобы показать, опираясь на имеющиеся источники, как А.Н. Толстой в конкретных исторических обстоятельствах 1920–1940-х годов проводил в жизнь принципы своей духовной программы, осуществлял “личную политику”, воздействовал на руководителей различных сфер власти» (стр. 5).

Содержание «духовной программы» Толстого, по мнению автора монографии, во многом определялось приверженностью писателя «веховской» традиции. Этот тезис подробно рассмотрен в первой главе книги «О “веховской” традиции в наследии А.Н. Толстого». Истоки близости взглядов писателя идеям авторов сборника «Вехи» исследователь находит в обстоятельствах его детства и юности («Путь А.Н. Толстого к утверждению “добра” начинался в детстве под влиянием его матери и окружающей среды. Тогда укрепилось и чувство Родины, неотрывное от православной веры», стр. 5), в достаточно раннем интересе к истории России, «вековой мудрости» нации, ее песням, сказаниям, героям. Все это в конечном итоге под влиянием различных жизненных обстоятельств и эпохальных событий (Первая мировая война, революция) привело к глубокому осознанию Толстым во всей их сложности и противоречивости идей русской государственности и национального патриотизма, которые не только прочно укоренились в творчестве писателя, но и предопределили, в значительной степени, линию его судьбы. Автор книги приходит к выводу о том, что важнейшей для Толстого стала идея преемственности СССР и Великой России. В то же время «его <писателя> настойчивое утверждение “веховской” традиции, его понимание преемственного развития русской истории, его указание на ведущую роль нравственных критериев оценки действий человека и государства» (стр. 41) встречало порой жесткое сопротивление.

В центре монографии – глава «Сближение и диалог с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым», что обосновано следующим тезисом: «Вопрос о сущности государственного лидера, “вождя” был одним из центральных в русской философской и политической мысли пореволюционного времени» (стр. 42). Исследователь на основе сохранившихся документов и различных свидетельств реконструирует и анализирует взаимоотношения Толстого и Сталина на протяжении почти двух десятилетий, со второй половины 1920-х гг. до смерти писателя в 1945 г., все время имея в виду широкий общественно-политический и историко-культурный контекст эпохи. В границы его анализа входят истории создания и публикации целого ряда произведений Толстого: романов «Восемнадцатый год» и «Петр I», пьес о Петре и драматической дилогии об Иване Грозном («Орел и орлица» и «Трудные годы»). Именно в этих двух названных выше персонажах русской истории, ставших героями толстовских произведений, Сталин видел своих предшественников и пристально следил за воплощением их образов в литературе, на сцене и в кинематографе.

Отталкиваясь от собственной характеристики В.Д. Набокова («Рыцарь»), погибшего, защищая жизнь своего политического противника, Толстой, по мнению автора

книги, попытался наделить Сталина качествами одного из лидеров конституционно-демократической партии народной свободы, что само по себе, на наш взгляд, выглядит отголосками романтических настроений писателя времени начала революции. Интерес же Сталина к Толстому, по справедливому замечанию исследователя, носил «политико-утилитарный» характер. Его пик пришелся на период перехода от огульного очернения российского прошлого к признанию идеи «национального единства», мощно заявившей о себе в годы Великой отечественной войны. Начало этого периода автор монографии относит к концу 1930 г. и связывает его с публичной критикой Сталиным стихотворной публицистики Демьяна Бедного, в частности фельетонов «Слезай с печки» и «Без пощады». Как следствие, это официальное осуждение «односторонне отрицательного освещения национального характера» позволило Толстому «рисовать относительно объективно и современный русский характер» (стр. 53).

Чрезвычайно ценным и плодотворным представляется нам указание на точки схождения и расхождения Толстого со Сталиным. Признавая сталинскую экономическую политику («Он решил для себя, что власть, несмотря на все “жестокости”, стремится “превратить нашу страну в нечто неизмеримо лучшее”»), стр. 55) и отстаивая принцип «единства и крепости государства», который был не чужд и советскому вождю, писатель тем не менее различал патриотизм государственный, который в 1930-е гг. приобрел официальный характер, и национально-патриотические устремления, связанные с утверждением России как «духовного организма». Однако «их сосуществование делало <...> сознание Толстого и его творчество особенно антиномичным» (стр. 57).

С окончанием посвященной ему главы Сталин не уходит со страниц книги и явно или незримо присутствует в других ее разделах: «На подозрении у Н.И. Ежова», «В спорах с редакторами газеты “Правда”», «В команде Н.М. Шверника», где речь идет о работе Толстого в Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, «Влияние на “министров искусств”».

В главе «В спорах с редакторами газеты “Правда”» автор останавливается на публикациях Толстого в этом органе печати, устанавливая точную дату его приглашения на страницы издания – 8 октября 1934 г. Как показал осуществленный детальный и разносторонний анализ сохранившихся документов и материалов, не все складывалось гладко в отношениях писателя и редакторов газеты: какие-то его статьи отклонялись, какие-то подвергались жесткой правке. Так, например, статья «Справедливый приговор» (1938) не была принята ни в «Правде», ни в «Известиях», и как представлялось Толстому, по причине несоответствия стиля его публицистики требованиям центральных органов печати. Писатель был вынужден обратиться к Сталину, чтобы прояснить свою позицию по этому вопросу: «Это не единственный случай с моими статьями. Разумеется, я не могу претендовать, чтобы все мои статьи были напечатаны. Но я их пишу для того, чтобы и свое усилие внести в то дело, которое мы все делаем и которое Вы ведете. И когда их не печатают, потому что нет места в газете или потому что они выходят из общего стиля, – я протестую, потому что считаю это не полезным, а вредным. В нашей прессе есть тенденция “приглаживать” материал, давать ему общую нивелировку, чем иногда подменяется общность устремления и общность идейная», стр. 70). Без сомнения, здесь Толстой отстаивал не только стиль, но и содержательную наполненность своих статей и очерков.

Исследователь особое внимание уделяет сотрудничеству писателя с газетой в годы Великой отечественной войны. Он пишет: «Толстой был необходим “Правде” осенью 1941-го, потом в 1942 и 1943 годах, когда власть была вынуждена признать единство нации одним из условий победы в войне и когда пришла пора разоблачить преступления гитлеровцев» (стр. 146). В то же время подчеркивается «необходимость обеспечить национальное единство, ставшее условием отражения гитлеровского нашествия, меняла сознание редакторов» (стр. 138), что, конечно же, добавим от себя, делало позицию Толстого более свободной.

Вступая в диалог с властью по принципиальным для себя вопросам, Толстой отстаивал, насколько мог, не только индивидуальный стиль своей публицистики, но и свободу творческого выражения в границах художественного произведения. Подтверждением тому служит последняя глава монографии «Влияние на “министров искусств”», где рассказано о судьбах написанного Толстым киносценария «Утренняя звезда» и драматической дилогии об Иване Грозном, которая дошла до сцены в существенно переработанном под влиянием идеологической критики виде.

«Министрами искусств» автор называет Бориса Захаровича Шумяцкого, стоявшего во главе Главного управления кинофотопромышленности при Совнарком СССР, и председателя Комитета по делам искусств Михаила Борисовича Храпченко, который «в общении с Толстым <...> шел к углубленному пониманию художественного творчества» (стр. 174). Исследователь подчеркивает, что в случае с Храпченко свою роль «играл его природный талант исследователя литературы» (стр. 174–175). Анализируя документы, касающиеся постановки пьесы Толстого об Иване Грозном, – а надо отметить, что их анализ и здесь тонок, точен и глубок, – он приходит к следующему выводу: «Когда Храпченко исполнял волю высших политических руководителей, он мешал художнику, помогал тогда, когда доверял творческой индивидуальности Толстого» (стр. 194). Однако это было бы вряд ли возможно без многолетнего диалога партийного функционера и писателя «о приоритете в творчестве эстетического над политическим и газетным» (стр. 188).

Основные итоги монографического исследования подведены в «Заключении». Среди них принципиально важным представляется нам сформулированный автором тезис о существовании целей, которые ставил себе писатель, возвращаясь в начале 1920-х гг. на родину и опубликовав в эмиграции, по сути своей, манифест, определивший все его дальнейшие действия (таковым было открытое письмо Толстого к Н.В. Чайковскому): «Не все цели возвращения были достигнуты. Не удалось устроить так, чтобы “покончить с террором навсегда”. Не было “общей воли”. Он был один. Духовно Толстой всегда оставался с исторической Россией и русским народом, следовал исходным этическим и эстетическим принципам. Использовал любой повод, чтобы напомнить читателям о “возвышенном” <...>. Толстой умел различать средство и цель и призывал к этому своих читателей, даже учил их этому в самые трагические годы. Средства власти могут быть похожи на средства власти другой страны, но цели России могут быть диаметрально противоположны целям другой страны. Эти цели всегда нравственные цели» (стр. 197).

Завершает монографию гармонично встроена в общий контекст книги подборка статей и заметок о Толстом, написанных сразу после его смерти – 23 февраля 1945 г. Среди авторов: Г.В. Адамович, Демьян Бедный, К.С. Гамсахурдия, А.Д. Дикий, А.М. Дроздов, А.А. Игнатъев, И.М. Майский, С.В. Михалков, Н.Ф. Погодин, М.Ф. Рыльский, М.О. Цетлин, М.А. Шолохов, Т.Л. Щепкина-Куперник.

Предваряя публикацию и завершая цепь своих рассуждений, исследователь пишет: «...он <Толстой> объединил деятелей культуры на своих похоронах “без различия партий”. Сходство суждений о Толстом русских деятелей в Москве, Париже и Нью-Йорке подтверждало возможность такого единения. Власть эту возможность не использовала» (стр. 200).

В заключение еще раз отметим, что неоспоримым достоинством книги является то, что она создана на основе очень точно и всесторонне проанализированного малоизвестного документального материала, который и задает направление авторской мысли, проясняя сложнейшие вопросы, связанные с темой научного исследования.

Сведения об авторе:

Галина Николаевна Воронцова,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН.

Galina N. Vorontsova,
PhD
Senior Researcher
A.M. Gorky Institute of World Literature RAS

voroncova.96@mail.ru